

Вадим Розин

**Мир художника
Романа Фаерштейна**

**Жизнь и творчество
Любови и Анны Зимоненко**

Москва 2020

УДК [94(47).08:75(47+57)(092)](093.3)

ББК 63.3(2)бю14+85.143(2)6-8ю14

Р 64

*В оформлении обложки использованы рисунки Романа Фаерштейна –
Музей Гугенхайм в Бильбао (Испания):
Интерьер в ракурсе (слева) и Фасад музея (справа)*

Вадим Розин

Р 64 **Мир художника Романа Фаерштейна. Жизнь и творчество
Любови и Анны Зимоненко.** – М.: Новый Хронограф, 2019. –
196 с., илл.
ISBN 978-5-94881-483-4

В книге известного российского философа, культуролога и психолога рассматривается история жизни сначала в России, а затем в Германии его родственников, семьи архитекторов. Глава семейства Роман Фаерштейн, архитектор и дизайнер, автор ряда больших выставок, на которых в свое время продемонстрировались достижения народного хозяйства и промышленности СССР, его жена и дочь – Любовь и Анна Зимоненко – тоже архитекторы и дизайнеры, а Анна еще и научный сотрудник. Переехав в Германию, семья продолжала организовывать выставки, но уже небольшие, причем все контакты и, так сказать, рыночное обеспечение взяла на себя Анна. Материалом для исследования послужили не только перипетии жизни, но и творчество еврейской семьи Фаерштейна-Зимоненко, оказавшейся вполне успешной как в России, так и в Германии. Автор показывает, что в их творчестве органично соединились классическая и авангардистская традиции, дизайн, архитектура и научная рефлексия, российская, еврейская и европейская культуры. Излагает автор в качестве отступлений и свои взгляды на авангард, конструктивизм, современное искусство, самоопределение российского еврея. Книга адресована широкому кругу читателей – архитекторам, дизайнерам, ученым-гуманитариям, всем, кого интересует искусство и судьбы интеллигенции на рубеже третьего тысячелетия.

ISBN 978-5-94881-483-4

© В. М. Розин, 2020

© Издательство «Новый Хронограф», 2020

В память об Анне Зимошенко

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ В СССР И РОССИИ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ

Глава первая Роман Фаерштейн. Становление мастера художника, проектировщика, организатора	14
Глава вторая Любовь Зимоненко. Обыкновенная еврейская история талантливого человека в СССР	68
Глава третья Некоторые особенности семейного творчества. От авангарда и конструктивизма к выставочному пространству и «нефигуративному изображению»	79
Глава четвертая Анна Зимоненко – «ребенок» поколения X	111

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО СЕМЬИ В ЭМИГРАЦИИ

Глава первая Решение сменить страну и первые успехи	120
Глава вторая Особенности семейного творчества в Германии	130
Глава третья Еврейские и семейные мотивы	151
Глава четвертая Записные книжки Романа Фаерштейна	166
Послесловие	191
Благодарности	195

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман Фаерштейн, муж моей тети Любви Семеновны Зимоненко, ушел из жизни в Германии в самые первые дни 2017 года. До 1993 года Роман с женой Любовью Семеновной и дочерью Анной Зимоненко (архитекторы и дизайнеры, а Анна еще научный сотрудник) жили и работали в Москве. Анна – моя двоюродная сестра, но у нас была разница в возрасте – 16 лет. Может быть, поэтому мы не были особенно близки, т. е. не делились друг с другом и не знали о личной жизни и проблемах каждого. Хотя с другой стороны, Аня очень меня уважала, вероятно, как известного в прикладной архитектурной науке философа, да и всегда с готовностью отвечала на все мои вопросы. Но думаю, отвечала таким образом, что ее подлинные экзистенциальные проблемы всегда оставались только с ней. Тем не менее уверен – мы друг друга любили, правда, на расстоянии, прежде всего внутреннем.

Неожиданная трагическая смерть Ани, от чумы XXI века, болезни, о которой не знали даже ее родители, посеяла в моей душе какую-то вину, хотя я вроде бы ни в чем не виноват, напротив, всегда ее поддерживал. Но раз чувствую вину, значит надо что-то делать, поэтому и пишу.

Я много раз пытался понять, что происходит с Аней и почему вся семья уехала в Германию, ведь, известно, что инициатором переезда была моя двоюродная сестра. Люба эту инициативу объясняет так: «В это время в России уже был развал. Плюс этот “еврейский комплекс”,

эта больная тема... Жилищные условия у нас были одни из лучших в те времена, материальные тоже. Основная причина была в комплексе. Инициатором отъезда была Аня: она жила нашей жизнью, и ей не давала покоя обида за отца»¹.

Здесь верно только то, что причина была комплексной и, возможно, главное – фигура отца. Однако чтобы понять, какую роль во всем этом сыграл Роман, приходится реконструировать его личность, да и отчасти, личности моей тети и самой Анны. Что я и попробую дальше сделать, имея в этой области некоторый навык (у меня есть ряд исследований личностей философов, ученых и художников)². Опираясь я буду на рассказы Любы и Романа, а также материал Татьяны Зборовской, использованный мной с ее согласия в статье «Две жизни Анны Зимоенко и Романа Фаерштейна (история творчества и жизни одной семьи архитекторов)»³. Это будет именно реконструкция, а что там было на самом деле, обычно говорю я своим студентам, предлагая очередную реконструкцию, знает один Бог. Сначала кратко о судьбе Романа и его семьи.

Роман был известный крупный специалист, спроектировавший десятки советских выставок и музеев. Но перестройка и реформы обрушили налаженные государством институты и производства, и Роман со товарищами архитекторами и дизайнерами оказались практически без работы. Сам Роман в 2009 году об этом пишет

¹ Розин В. М. Две жизни Анны Зимоенко и Романа Фаерштейна (история творчества и жизни одной семьи архитекторов) // Культура и искусство. – 2019. – № 1. – С. 70.

² Розин В. М. Мышление и творчество. – М.: «ПЕР-СЭ», 2006. – 360 с.; Розин В. М. Реконструкция творчества и портретов философов, ученых и художников. – М.: «Ресурс», 2018. – 396 с.

³ Татьяна Зборовская пишет книгу о творчестве Романа Фаерштейна. Она ездила в Германию и успела взять интервью у Романа (оно оказалось последним). В статье «Две жизни Анны Зимоенко и Романа Фаерштейна...» я использовал с ее разрешения некоторые сведения из этого интервью. Другие представляют мои собственные воспоминания из общения с Романом и Любой.

так: «Привычная мне за десятилетия работы система государственных заказов на создание крупных выставочных, музейных и городских ансамблей, система их финансирования и проектирования – все это осталось в далеком советском прошлом. Остались в прошлом почти безграничные возможности, предоставлявшиеся мне и моим коллегам при создании государственно значимых объектов, какими являлись, например, национальные павильоны и экспозиции СССР»⁴.

Но зато перед семьей открылась возможность уехать на Запад и наконец-то осуществить давнюю мечту советских архитекторов – увидеть знакомые со студенческой скамьи по фотографиям архитектурные произведения. «В Советское время, – вспоминает Роман, – меня, как и многих других, никуда за границы нашей Родины не пускали (5-й пункт!). Как архитектор, дизайнер, художник я мечтал собственными глазами увидеть шедевры архитектуры мира, города, музеи, стили, страны. После «перестройки» 1991 года появилась возможность выезда в ФРГ. Наша семья использовала ее. Мы, семья архитекторов, стали много ездить – “сбылась мечта!!!”. Обьездили Европу (Париж, Лондон, Берлин, Стокгольм, Брюссель, Афины и еще много стран и городов). Появилась моя серия графики “Шедевры Архитектуры”»⁵.

Помимо вопроса, почему семья уехала в эмиграцию (меня не совсем удовлетворило объяснение Романа и Любы), я задавал себе и другие вопросы. Почему Роман и Люба так и не овладели немецким языком, и это при том, что они занимались гуманитарным делом и нужно было общаться по поводу немалого количества авторских выставок, пусть и небольших, которые мои род-

4 Розин В. М. Две жизни Анны Зимоненко и Романа Фаерштейна (история творчества и жизни одной семьи архитекторов). С. 73.

5 Записная книжка Романа Фаерштейна «Gamburg 2012» (из архива автора).

Роман Фаерштейн и Анна Зимоненко. Венеция, 1996 г.

ственники спроектировали и организовали в Германии? Конечно, можно жить и работать везде. Но, спрашивается, какую страну семья считала родиной? Россию? Тогда почему уехали, разве не права поговорка «где родился, там и пригодился»? Роман, а тем более Люба и Аня, никогда не были диссидентами, им ничто не угрожало. Интересовал меня и вопрос, кто в этой семье был главой, на первый взгляд, безусловно, Роман. Все вокруг него вертелось, и если что-нибудь делалось не так, как Роман хотел, мог довести до слез.

Но с другой стороны, в Германии ни Роман, ни Люба буквально шагу не могли сделать самостоятельно, ведь только Анна знала язык и вела все дела: договаривалась о встречах, заказывала гостиницы, переводила обоим родителям, в ее руках была вся переписка и т. д. Вообще, как можно осмыслить и оценить жизнь Романа и Анны? Оба уже ушли, многое сделали, но Анна рассталась с этим миром трагически, еще достаточно молодая, а Роман в самые последние годы переживал, правильно ли он сделал, уехав из России, а также что не сумел написать книгу, посвященную дочери, рассказав в ней, в том числе, и о своем творчестве.

Дело в том, что Аня скрывала свою болезнь и умерла неожиданно, не подготовив своих родителей. Думаю, она до самой последней минуты надеялась на чудо: что выздоровеет, и поэтому оттягивала страшный разговор. Роман последний год своей жизни много болел и спал, не желая просыпаться, чтобы не видеть этот опустевший без дочери мир, но когда все же вставал, делая усилия, собирая материал, переживал, что не знает, как этот материал превратить в настоящую книгу, как издать ее. «С книжкой, – рассуждает он, – проблема... Здесь я развожу руками. Ничего сделать не могу. Потому что привык, что под руками у меня десятки, сотни людей.

В том числе мастеров, которые работали на больших комплексах. Как когда-то, когда существовал Худфонд. А сегодня я сижу в Гамбурге. Языка не знаю: ни я, ни Люся. Неизвестно, к кому обратиться, хотя мы члены союза художников и архитекторов Германии. Неизвестно, какие правила передачи рукописи в издательство. Ведь можно было бы найти в Гамбурге возможность напечатать. Материал – вот он, собран. Книжка должна быть посвящена ребенку (*так Роман всегда называл Анну. – В. Р.*). Я пишу на титульном листе: “В память о дочери”. Это не просто издание – оно имеет адрес. По сути дела, сейчас я проделываю интервью с собой. Непривычный труд. Чистый лист бумаги – это то, с чего я обычно начинаю работу. Но я – не писатель и не журналист, поэтому любую строчку мне придумать и записать очень непросто. Значительно сложнее, чем нарисовать. Поэтому все время после кончины дочери я, не имея ни желания, ни возможности ничего делать, год не занимаюсь творчеством, а занимаюсь писанием биографии. И езжу на переливание крови. Для того чтобы закончить с книгой, я должен как минимум быть живым. А это очень непросто. Значит, я при деле»⁶.

Мне кажется, что история жизни семьи Фаерштейн-Зимоненко интересна не только перипетиями их судьбы на великом переломе России конца XX – начала XXI века. Интересна она и особенностями их творчества. Перед нами не теоретики архитектуры и дизайна, а практики, спроектировавшие и создавшие не один десяток выставок, инсталляций, множество интерьеров. На первый взгляд, их вел только собственный опыт, талант и мастерство. Но это не так, ниже мы увидим, что они опирались на оригинальные теоретические и экспе-

⁶ Розин В. М. Две жизни Анны Зимоненко и Романа Фаерштейна (история творчества и жизни одной семьи архитекторов). С. 77.

риментальные разработки русских авангардистов и конструктивистов 1920-х годов, разработки советских теоретиков дизайна и архитектуры 1960-х годов, собственные теоретические размышления. Перефразируя Скрябина, однажды сказавшего, «музыка жива мыслью», можно утверждать, что архитектура и дизайн столько же практика, сколько и теория, это практика, оплодотворенная и преображенная теорией.

Как я уже сказал, нужно реконструировать личность Романа, а также отчасти, личности моей тети и самой Анны. Начну.

